Сергей Саканский

AVE MEDIA

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Только ты и я
Солнечный мальчик

Сергей Юрьевич Саканский
Солнечный мальчик
Серия «Ave Media»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8482599
2008

Аннотация

Действие произведений серии «Ave Media» происходит как в далеком прошлом, так и в современном мире. Само собой, что и персонажи могут носить имена ныне здравствующих или недавно почивших людей – хоть Ленина, хоть Леннона. Однако, как ни парадоксально это прозвучит, даже для данной книги справедливо следующее замечание:

«Все события и персонажи серии вымышлены и любые совпадения с реальностью случайны…»

Содержание

Только ты и я 4
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Сергей Саканский
Солнечный мальчик

Только ты и я

Goo goo goo g'joob
Lennon – 'I Am The Walrus' – 1967

Джон Леннон медленно шел по тиковой аллее, тихо падали листья с огромных деревьев, желтый карлик, недавно восставший из тьмы, был неожиданно ярок, горизонтальными лучами бросая под ноги тени стволов, словно на некой ученической картине: художник, только что вылупившись из яйца, прикололся на перспективе древесного туннеля, веера теней, слишком явно имитирующего пространство…

Это был ничем не примечательный день, 8 декабря 1980 года, понедельник.

В то утро он впервые за много месяцев пристально подумал о всех остальных… Пришла странная мысль, вернее, аналогия, еще точнее – метафора. Он представил Битлов как единое тело, как некоего обобщенного битлочеловека, чьи легкие и сердце принадлежали Полу, Джордж отвечал за печень, желчный пузырь и прочее, Ринго – за пищеварительный тракт, Брайан – в той мере, конечно, насколько его мож-

но было считать битлом – за селезенку, Мартин – с той же оговоркой – за кровоток… Сам же он был мозгом и нервной системой, всем тем, что отличало битлочеловека от битложивотного, тем, без чего битлочеловек мог стать, в крайнем случае, куклой, ломающейся на сцене, невразумительно орущей, скрипящей, словно Железный Дровосек…

Ринго был обыкновенным барабанщиком, хорошим, мастеровитым, не более. В наше время за него мог бы сыграть компьютер – твердый металлический Ринго, и тогда Джону не пришлось бы отрывать от сердца и дарить ему, создавая имидж творящей четверки, свои собственные песни… Джон всегда ненавидел Ринго. Причину этого инстинктивного чувства он осознал не сразу. Причина была не в Ринго, а в Бесте, чье место он занял. Джон чувствовал свою вину перед Бестом, никак теперь уже не мог загладить ее, поэтому он ненавидел Беста и ненавидел Ринго, который сел в Битлз вместо него.

Джордж был из них самый младший, он смотрел на Леннона как на Бога. Джон и вправду создал его, научив всему, что умел делать сам. Полюбив марихуану, Джордж, естественно, полюбил и Индию. Джон Леннон едва терпел его скрипучие… Их и песнями-то назвать нельзя. Эта музыка портила пластинки одну за другой, пока Джон не прекратил это одним волевым решением.

О Поле и говорить нечего. Он всего лишь зеркало с его левой гитарой, мутное кривое зеркало. Все, что он сделал,

было во вчерашнем дне, но даже и там он не сделал ничего, потому что каждую его песню приходилось исправлять. Он приносил сырые интуитивные материалы, и только Джон Леннон мог превратить их в настоящую музыку – несколькими точными ударами пера…

Они вообще не были музыкантами в том смысле слова, когда его пишут с большой буквы… Пределом мечтаний Джорджа был огромный автобус, розовый и голубой – для шофера-отца. Ринго хотел открыть в Ливерпуле парочку парикмахерских. Поль любил красиво одеваться и нравиться девушкам, только и всего…

Джон Леннон собрал их всех, как мальчишка собирает на свалке детали, чтобы сконструировать радиоприемник. Джон создал квартет, равного которому никогда не было и не будет в мире. Казалось совершенно не важным, *кто* играет, главное, они играли *так*, как хотел он. Битлы существовали только в голове Джона Леннона и больше нигде.

И вот теперь, когда все уже было позади, кто-то пытается переписать историю, подменить факты, отводя Леннону вторую, чуть ли даже не третью роль… Но самым удивительным было то, что именно сейчас, когда Джон нашел в себе силы снова встать на ноги, едва записал новый альбом, откуда ни возьмись, то есть, неизвестно откуда и как – появился этот маньяк…

Альбом был бесспорной удачей. Друзья превозносили его, но он не верил друзьям – они могли просто жалеть старину

Джона – он сам хорошо слышал: альбом был лучшим из всего, что он написал в своей жизни, и здесь, в глубине этих черных виниловых борозд, тонули прежние Битлы – маленькие кукольные человечки, созданные в рисунке обоев его собственным воображением.

Джон Леннон в который раз выдвинул пластинку из пакета и провел ногтем по ее микроскопическим волнам, услышав характерный скрип, который всегда приводил его в эротическое возбуждение… Последние дни он всюду носил под мышкой свой альбом, словно некий зонтик, не расставаясь с его черной и белой, глянцевой и ребристой, спасительной новизной.

На обложке был запечатлен соленый поцелуй Йоко, их смешно скрещенные носы… Джон вспомнил момент, когда был сделан снимок, и до судороги захотел Йоко, но Йоко осталась в Гонолулу, а он прилетел в Нью-Йорк один – с единственной целью: взглянуть в глаза маньяка.

Вот и дом его за последним поворотом тиковой аллеи – вычурный, псевдо-готический, а вон и толпа «фанатов» – чуть дальше, в сквере через авеню… Джон поднял голову: никаких тиковых деревьев с их гладкими, ввысь уходящими стволами… Обычный перекресток.

Странное обстоятельство, будто он находился в пространстве сна, но Джон был абсолютно уверен, что не спит, следовательно, тики… Он отмахнулся от мысли о них, так вообще устал о чем-либо думать вообще…

Этот маньяк появился недавно. Его безумие было слишком изящно, чересчур современно. Он объявил себя ни Бонапартом, ни Франклином Рузвельтом, а именно Джоном Ленноном.

Богачам, похоже, позволено все. Маньяк поселился в Нью-Йорке, в престижном доме, где жили такие же как он богачи, стал давать интервью продажной прессе, нанял два десятка бродяг, и они, имитируя фанатов, толпились неподалеку – в сквере, который нарочно назвали Земляничной Поляной, хе-хе… Как легко сделать что-то такое, если у тебя есть хороший счет в банке…

Джон пересек авеню и оказался в этом сквере, странном каком-то месте, типа альпийского сада, с крупными уродливыми камнями… Джон глянул вверх с левого, затем – с правого плеча и тихо рассмеялся: тики росли здесь повсюду.

Сидевшие на камнях с любопытством посмотрели в его сторону, закрывшись ладошками от слепящих лучей желтого карлика. У каждого из них под мышкой был конверт с альбомом, и они якобы мечтали оторвать автограф. Никто не узнал подошедшего Леннона: вероятно, маньяк проинструктировал их, что делать в случае, если он появится. Странно… Откуда ему было известно, что Джон непременно будет здесь?

Впрочем, ничего удивительного… Начиная свою игру, маньяк не мог не предполагать, что рано или поздно столкнется со своим героем лицом к лицу, прямо лбом – в гладкое

и безжалостное зеркало… Но это могло значить только одно: маньяк не сумасшедший!

Но если маньяк не сумасшедший, тогда зачем он все это затеял – и роскошный дом, и «фанатов», и журналюг? Посадил аллею тиковых деревьев, которые, кстати, в Нью-Йорке вообще не растут…

Джон присел на камень и обратился к ближайшему парню.

– Сколько он платит? – кивнул он в сторону дома.

– Когда как, – осторожно ответили ему.

– Как тебя зовут?

– Холдин Колфилд.

– Хай, Хол! А меня – Джон Леннон.

Слышавшие засмеялись. Кто-то приблизился, наркотически перебирая ногами по траве. Образовался кружок.

– Хочешь затянуться, Джон? – предложила совсем юная девица с грязными волосами.

– Я *тебя* хочу, – подумал Джон Леннон, вяло протягивая руку за косяком.

И в этот момент что-то изменилось, будто лица присутствующих зашелестели от ветра… Джон поднял голову и увидел маньяка – маньяк появился на ступенях дома, и люди с визгом бросились к нему, прямо через авеню, падая, чуть не попадая под автомобили…

Джон впервые увидел самозванца. Тот был довольно худым, с крупным еврейским носом, на людях одевался подчеркнуто просто, и смахивал на настоящего Леннона лишь

круглыми темными очками на переносице. Он даже не умел толком носить их, эти очки…

Неожиданным оказалось то, что за ним, семеня и по-утиному переваливаясь, шла… японка. Маленькая, слишком кривоногая, чтобы быть подлинной, лишь отдаленно, единственно расовыми признаками напоминающая его Иоку… Оба шли медленно по короткому живому коридору наемников. Маньяк раздавал автографы. Джону пришла в голову игривая мысль. Он протиснулся меж потных торсов и заступил ногой на полосу прохождения. Дойдя до этого места, маньяк удивленно вскинул на него глаза.

– Будьте добры, мистер Леннон, – сказал Джон Леннон.

Маньяк определенно узнал его, но быстро овладел собой. Он расписался на протянутом альбоме, больше не глядя Джону в глаза. Джон мог бы сразу, на месте разоблачить его: настоящий музыкант не стал бы расписываться на конверте, когда внутри пластинка, по крайне мере, не столь сильно нажимал на перо…

Машина отъехала, оставив в толпе волновой след, переходящий в легкую рябь.

– Он был так близко, что я слышала запах его подмышек!

– Глупости. Он только что принял душ, дура! Это был запах кого-то другого, может быть – вон того?

Девицы посмотрели в сторону Джона, занятого подписью на конверте. Подпись выглядела действительно похоже. Девицы были в коротких юбках, с полными сексуальными ляж-

ками. Джон ненавидел и боялся таких, несмотря на то, что имел их сотнями. Он действительно мог сейчас пахнуть, поскольку не стал купаться с дороги: так торопился сюда…

– Говорят, он будет только вечером, – произнес кто-то.

Гостиница находилась в нескольких автобусных остановках от логова маньяка. Джон с трудом отыскал ее и, отыскав, с трудом сориентировался внутри.

Он съел несколько сэндвичей в автоматическом баре внизу и с удовольствием залил их целой пинтой молока. Чтобы проглотить невыразительную еду этих простых смертных, ему приходилось вызывать из памяти роскошные обеды, какими они в изобилии угощались во время оно.

Как те парни, которые до того жадно онанировали в детстве, что так и не смогли переключиться на живых женщин…

В номер, поспешно занятый сегодня утром, Джон вернулся совершенно разбитым. Нечего было и думать о горячем душе. Он снял ботинки и, потеснив свой распахнутый чемодан, бросился ничком на кровать, в надежде взять реванш за тяжелую ночь в самолете… Но что-то не склеилось: усталость осталась на месте, но только сон не соблаговолил сойти.

Лучи пробивались сквозь решетчатые жалюзи, печатая на полу отраженный портрет карлика. Джон ненавидел эту заурядную звезду, усилиями наивных поэтов вознесенную

на пьедестал. Вселенная насчитывала мириады подобных солнц, средней величины и температуры, и не было ни малейшего повода выделять среди прочих именно его…

Последние годы Джон ненавидел все, что видели его глаза. Ненавистью были полны его новые песни, так же как старые – любовью. Плюс поменялся на минус, тела на антитела, углерод на кремний…

Мы все были обмануты с нашей любовью, цветами и песнями шестидесятых. Новые люди неожиданно выросли, незаметно захватили землю. Они возлюбили то, что мы ненавидели, и возненавидели то, что мы любили.

Нашу рассеянность к предметному миру они заменили его восторженным культом, и храм теперь биржа, и фетиш теперь денежный знак. Путь в высоту духа есть путь к высоте тела, и все многообразие наслаждений сводится к наслаждению сексом и едой… Впрочем, секс они теперь называют любовью, а еду… Не имеет значения. Даже сами слова изменили свой смысл за последние десять лет.

Неужели зря приходили в мир мои золотоголосые Битлы? Неужели напрасно включили мы эту круглую Землю, и стала смертельной для нее даже столь легкая доза счастья и добра?

Внезапно, как был – с руками, заложенными за голову – Джон Леннон вскочил с кровати и замер посередине комнаты, будто кто-то невидимый направил на него, прямо в морду ему направил – черное дуло.

Есть выход один…

Мир до битлопришествия был тяжел и грязен – жестокий и грубый послевоенный мир. Они пришли и врубили его, преобразив и засыпав цветами, и именно он, Джон Леннон, сделал это. Он создал оркестр клуба одиноких сердец по своему образу и подобию, и не надо оваций…

Бог единственно чем отличается от человека, что умеет творить миры. Это свойство Его недоступно человеку, как недоступно и удивительно умение композировать мелодию…

Ничто не мешает Мне повторить Мое творение.

Я соберу их снова, наивных, напористых парней – в Ливерпуле, Токио или в какой-нибудь Москве, я обучу их искусству творить миры, и мы вновь пройдем дорогой, усыпанной цветами. Только…

Джон, наконец, заметил, что стоит, сцепив руки в замок за головой, будто свежеарестованный. Он бросил руки на бедра в жесте бессилия. Мысль, несколько месяцев мучившая его в Гонолулу, когда он лежал, свернувшись в бессоннице под мышкой у Йоко, встала перед ним обнаженная во весь рост.

Да, ты должен это сделать, наконец. Ты должен уничтожить маньяка, вставшего на твоем пути. Своими вот этими руками.

Джон долго блуждал в районе сороковых улиц, пытаясь найти магазинчик, рекламу которого вырезал из газеты с ме-

сяц назад. Он был совершенно не приспособлен к реальному бытию, этот Леннон. Всю свою жизнь он провел в глубокой задумчивости, сочиняя песни и стихи. Он никогда не отдыхал, не развлекался, наблюдая мир из окон лимузинов, отелей, через экран телевизора. Он, в сущности, и не жил вовсе, как жили все те люди, для которых он выворачивался наизнанку. Теперь, попав в эту тяжелую, необъяснимую нищету, словно на другую планету, он видел проблемы в самых элементарных вещах: поиски улицы, дешевого ресторана, туалета, наконец…

Хозяин оружейного магазинчика был жирным и мрачным типом, он не узнал в молодом взволнованном человеке некогда великого битла. Джон выбрал револьвер «Смит и Вессон» 38-го калибра за 169 долларов, очень похожий на зажигалку, которая была у него в юности. Хозяин смотрел тускло, понимающе: он давно работал в этом бизнесе и знал, *зачем* покупает оружие тот или иной человек… *Эх, взять бы вас всех, кто сделал свое состояние на наших костях, взять бы и собрать вместе, всех вместе на одном стадионе – а во всем мире вас, алчных, жирных, кровососущих – вряд ли наберется больше, чем один хороший стадион – собрать бы вас, и всем сразу, всем одновременно… Гуу Гуу Гуу Джуб – снова спеть вам всем.*

Я плачу, я плачу, я плачу…

– Смотрите, Леннон! – услышал он высокое контральто.

– Какой еще в жопу Леннон! – отозвался прокуренный ба-

ритон.

– Верно, Рокки, – подтвердил кто-то негритянским басом. – Такие люди не ходят по улицам без охраны.

Джон оглянулся. Он стоял в небольшом садике, вовсе не помня, как оказался здесь. Пахло рыбой. Неподалеку на лавочке сидела рыжая девица в окружении трех цветных. Двое залезли ей клешнями в штаны, а третий стоял сзади, занимаясь ее силиконовой грудью.

– Ты что, правда что ль, Леннон? – спросил бас.

Джон неприятно улыбнулся, хлопнув себя по бедрам. Он вспомнил ту ливерпульскую драку в шестидесятом, когда рабочие, будущие законопослушные битломаны, чуть его не убили, изменив небрежно весь ход человеческой истории.

– Ну, а если и да, то что?

– Тогда вали отсюда, пока я тебе рога не поотшибал! – приказал баритон.

– Давай-давай, – подмахнула девица. – Иди, откуда пришел, Джон, иди домой.

– Вот-вот. А то еще найдется какой-нибудь кретин и всадит тебе пулю в лоб.

– А то и все пять…

– Ведь ты славный малый, Джон, шлепнуть тебя – значит примазаться к твоей славе.

Джон внимательно посмотрел на этих фантастических существ. Один был предельно похож на глубоководного краба: его глаза-шарики крупно дрожали на эрегированных сте-

бельках. У другого была голова: круглая, бритая, крупная, как яйцо динозавра. Третий был ничем не примечателен, но имел в заднем кармане рыбу, и нестерпимо этой рыбой вонял. Четвертый был женщиной, но это только так казалось: Джон дал бы руку на отсечение, что это транс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.